

УДК 947.008 (571.6)

*Коваленко С.Г.
Kovalenko S.G.***К оценке модернизационных структурных преобразований на Дальнем Востоке в 1965 – 1980 гг.****To an estimation of structural transformations in the Far East in the 1965 – 1980**

Положительная динамика в жизни страны наметившаяся к концу 1950-х гг. совпала с поиском новых подходов в определении дальнейшей структурной модернизации народного хозяйства. В статье рассматриваются противоречия советской модернизации на Дальнем Востоке. Дана комплексная оценка модернизации в регионе. Результат управленческих реформ показан с точки зрения экономической эффективности. Раскрыты позиции региональной и центральной элиты.

Ключевые слова: *социальные структуры, экономические структуры, модернизация, Дальний Восток, элита, реформы, управление*



Positive changes in the life of countries have set in the late 1950's. coincided with the search for new. The article deals with the contradictions of the Soviet modernization in the Far East. Dana comprehensive assessment of modernization in the region. The result shows the management reforms in terms of economic efficiency. Revealed the position of regional and central elites.

Key words: *social structures, economic structures, modernization, the Far East, the elite, reform management*

С середины 60-х гг. XX в. всё более обнаруживаются отрицательные последствия несоответствия декларируемой концепции развития региона и реальных методов хозяйствования. С одной стороны, являясь подсистемой единого народнохозяйственного комплекса страны и участвуя в территориальном разделении труда, Дальний Восток обязан был обеспечить продукцией другие экономические районы. С другой – для успешной реализации этой задачи ему требовалось развитие всех элементов региональной экономики как целостной системы. Однако комплексного развития на практике не было, оно оставалось преимущественно в правительственных документах.

После ликвидации Советов народного хозяйства Госплан стал вновь органом перспективного и текущего планирования по отраслям. В республиках планы, ориентированные на развитие отраслей, разрабатывали республиканские Госпланы. В реальности такой принцип планирования и управления Дальним Востоком тормозил развитие промышленности и реализацию хозяйственной реформы 1965 г. Отрицательные последствия этого проявились в замедлении темпов роста производства по сравнению со средними показателями в стране, включая и

КОВАЛЕНКО Светлана Геннадьевна, к.и.н., научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*). **E-mail:** ostina@list.ru

снижение абсолютных размеров темпов роста в отраслях специализации [7, с. 10].

Реализация данной государственной политики вызвала понятную озабоченность местной высшей номенклатуры. При подготовке Госпланом СССР проекта Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускорению развития производительных сил и заселению Дальнего Востока и Читинской области» секретарь Хабаровского крайкома А. П. Шитиков и председатель плановой комиссии тов. Николаев просили увеличить объём капиталовложений на 1967-1970 гг. до 780 млн. руб. на развитие промышленности строительных материалов и строительной индустрии, выделить 235 млн. руб. на организацию 35 новых совхозов, ускорить ввод в действие поясного коэффициента 1,2-1,3 в южной зоне Дальнего Востока и установить розничные цены первого пояса на продовольственные товары, ввести дополнительные отпуска в южных районах в размере 12 рабочих дней и предоставить раз в три года оплачиваемый проезд в отпуск и другие льготы.

Данные вопросы рассматривались в Госплане с февраля по март 1967 г., но, несмотря на заинтересованность правительства в развитии дальневосточной территории, они не были решены полностью. Выделенные правительством капиталовложения составили 356 млн. руб., снижение цен в 1968-1970 гг. по Дальневосточному экономическому району планировалось только до уровня второго пояса (хотя и это впоследствии не было выполнено). Что касается ассигнований на организацию новых совхозов, то Госплан СССР не поддержал в этом вопросе Госплан РСФСР, руководствуясь именно соображениями экономической целесообразности. Организация новых совхозов осуществлялась в пределах лимитов, выделенных на сельское хозяйство. (ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 4910. Л. 75-77.).

Переписка между центральными и местными органами власти в период согласования окончательного варианта указанного Постановления свидетельствовала, что на развитие региона просили всегда больше денег, чем требовалось реально, что характерно для социалистической системы. Однако данный период времени существенно отличался от предыдущего тем, что государство испытывало острую потребность в региональных ресурсах. Но министерства крайне неохотно выполняли Постановление правительства «О дальнейшем развитии производительных сил Дальнего Востока и Читинской области», хотя оно предусматривало значительное повышение капиталовложений в экономику региона в связи со слабой их окупаемостью (на 25% ниже, чем в целом по Российской Федерации).

Фактически не помогла народному хозяйству региона правительственная линия оказания помощи отстающим предприятиям. Так, в 1966 г. ведущие отраслевые министерства получили право выделять своим отстающим предприятиям «при недостаточности у них сверхплановой прибыли» дополнительные средства на формирование премиального фонда за счёт «свободного остатка сверхплановой прибыли других предприятий данного министерства». Специальное решение Совета Министров СССР (1967 г.) закрепило за ними резерв для оказания финансовой помощи таким предприятиям и хозяйственным организациям. Дальнейшее обеспечение шадящего режима для отстающих касалось в основном оплаты труда (льготные нормативы материального поощрения и т.д.) и не стимулировали эффективную работу предприятий [11, с. 390].

Если в 60-х гг. XX в. среднегодовой темп прироста капиталовложений в регионе составил 8,3%, то в 70-х гг. XX в. — немногим более 4%. В основном эти средства вкладывались в отрасли специализации, в которых темпы роста объёмов производства, хотя и оставались выше,

чем в стране, снизились со 112,8% до 106% в горнодобывающей промышленности и цветной металлургии, со 107,5% до 105% в лесной промышленности, со 111% до 105,5% в рыбной промышленности. Отрасли общесоюзной специализации формировали общий региональный темп роста промышленного производства в регионе почти на 50%. Соответствующие же отрасли промышленности по стране определяли только 10-11% совокупного темпа роста промышленного производства. Поэтому опережающие темпы роста производства в отраслях специализации особенно при их абсолютном снижении уже не могли обеспечить, как это предполагалось правительством, опережающего общего темпа промышленного роста в регионе.

В период СНХ важнейший для советской экономической системы показатель – рост объёмов промышленного производства – за 1961 – 1965 гг. по дальневосточному региону увеличился на 59% при среднегодовых 9,8%, что было выше запланированного Госпланом. А при возвращении к министерской системе управления (1965-1970 гг.) этот показатель планировалось увеличить на 62,7% при среднегодовых темпах 10,2%. Но реально он не был достигнут, так как среднегодовые темпы роста объёмов промышленного производства ежегодно в этот период составляли 7,5% (ГААО. Ф. П-1. Оп. 27. Д. 613. Л. 5.).

Такое положение в экономике Дальнего Востока объяснялось двумя факторами. Во-первых, истощением к середине 60-х г. XX в. традиционных сырьевых баз и необходимостью освоения других, что требовало создания новых предприятий. В связи с этим показательны следующие факты. Из 18 основных видов промышленной продукции в 11 среднегодовые темпы прироста были ниже предусмотренных указанным выше Постановлением. Это касалось отраслей специализации, производивших олово, бумагу, картон, вывоз древесины, ловлю рыбы. Производство олова в концентратах за три года пятилетки увеличилось всего на 1,8%, тогда как за всю пятилетку предусматривался рост на 24%. Среднегодовые темпы прироста вывозки древесины за 1966-68 гг. составили 3,5% против запланированных 5,8%, производство целлюлозы соответственно 10,7% против 16,2%, картона 2,4% вместо 22,5%. Некоторые министерства, например, Минлесдревпром и Минбумпром в планах на 1970 г. наметили объёмы основных видов продукции своих отраслей значительно ниже указанных партией и правительством.

Важнейшая региональная отрасль – электроэнергетика – также не развивалась предусмотренными темпами. Министерство энергетики и электрификации СССР не выполняло правительственных задач. Среднегодовые темпы прироста выработки электроэнергии составляли 11,9%, тогда как было запланировано 18,3%. В 1964-70 гг. себестоимость электроэнергии для юга региона от 2 до 7 раз превышала средний уровень по РСФСР. Множество мелких электростанций с высокой себестоимостью электроэнергии, не связанные между собой линиями электропередач, затрудняли развитие промышленности. При постоянном дефиците угля в народном хозяйстве Дальнего Востока и его завозе из центральных районов страны Министерство угольной промышленности на 1969 г. запланировало не рост, а снижение добычи угля по сравнению с предыдущим годом на 369 тыс. т. Среднегодовой темп прироста добычи угля составил 1,3% вместо запланированных 3% (ГААО. Ф. П-1. Оп. 27. Д. 613. Л. 6, 7-8.).

Основной причиной низких темпов улова рыбы был недостаток судоремонтных мощностей и малая пропускная способность рыбных портов. Но строительство и реконструкция этих и других объектов рыбной промышленности, предусмотренных Постановлением, осуществлялись крайне медленно. Например, из сметной стоимости расширения Вла-

дивостокского рыбного порта в 49,7 млн. руб. с начала строительства к 1968 г. освоено лишь 13 млн. руб. Из шести судоремонтных предприятий, намеченных к реконструкции, модернизацию трёх – Холмского и Невельского судоремонтных заводов на Сахалине и Судовой им. Ленина в Петропавловске-Камчатском – намечалось закончить к 1970 г. Но план не стал реальностью, так как в полном объёме реконструкция не осуществилась ни на одном из объектов к 1968 г.

Крайне медленно в 1966 – 1970 гг. велось строительство предприятий пищевой, местной промышленности: для увеличения объёмов производства в 2 раза в лёгкой промышленности на всём Дальнем Востоке спланировали построить 9 предприятий. Из них в 1968 г. строились только два – фарфоровый завод в г. Владивостоке и хлопкопрядильная фабрика в г. Благовещенске. Для достижения роста выпуска товаров культурно-бытового назначения в 2,2 раза предполагалось строительство и реконструкция 20 предприятий, строили только четыре. Подобная картина существовала и в Министерстве мясной и молочной промышленности, из 20 объектов работы велись на четырёх (ГААО. Ф. П-1. Оп. 25. Д. 265. Л. 6.).

Неудовлетворительно шло строительство предприятий цветной металлургии, особенно объектов оловодобывающей промышленности. Почти на год задерживался ввод четвёртой очереди Хрустальненского горно-обогатительного комбината в Приморье, хотя пуск его был назначен на 1968 г. К концу пятилетки намечалось расширение Солнечного горно-обогатительного комбината в Хабаровском крае для доведения его мощности до 600 тыс. т. в год. Но в 1969 г. работа даже не началась. В этом же году не закончилась реконструкция рудника Придорожный в Хабаровском крае. Вовремя не подготовленные проектные разработки на строительство рудников Перевального и Рудного не позволили начать их работу в определённый правительством срок (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 27. Д. 613. Л. 7-12.).

Плановая комиссия приморского крайисполкома вела активную переписку с центральными органами власти. В письме к Н.К. Байбакову (март 1971 г.) были высказаны замечания и предложения к предварительному докладу Госплана СССР по вопросам принятия Постановления «О развитии хозяйства Дальневосточного и Восточно-Сибирского экономических районов в 1971 – 1975 гг.». Круг обсуждаемых проблем касался высказанных в 1970 г. пожеланий крайплана, не нашедших отражения в проекте Постановления, и предложений, высказанных на партийной конференции при обсуждении директив XXIV съезда КПСС. Анализ документа показывает, что наибольшую озабоченность местных органов власти вызывало невыполнение министерствами планов по объёмам производства и вводу новых мощностей. Выработка электроэнергии в 8.835 млн. кВт/ч. к 1975 г. не могла быть достигнута при планируемом вводе электростанций за пятилетку на 650 тыс. квт.ч. Потребность в угле для края по расчётам составляла 16 млн. т. в 1975 г. и 25 млн. т. к 1980 г. Но планируемые Госпланом 12,5 млн. т. к концу пятилетки значительно увеличивали дефицит угля. Для рыбной промышленности края актуальным оставался дефицит в судоремонте – 100 млн. руб. Требовалось открытие новых судоремонтных заводов, чего не было в планах министерств (ГАПК. Ф. 510. Оп. 3. Д. 620. Л. 1-8.).

В письме первому секретарю Приморского крайкома КПСС В.П. Ломакину (июнь 1975 г.) крайплан указывал на причину уменьшения среднегодового темпа прироста промышленного производства: намеченные к работе в девятой пятилетке производственные мощности не были построены и их ввод ожидался в конце десятой пятилетки. Из документа следует, что этот процесс будет продолжаться в 1976 – 1980 гг.,

и удельный вес многих отраслей в крае снизится: пищевой – с 12,1% до 11,3%, рыбной – с 34,6% до 27,4%, угольной – с 29% до 23% и т. д. Многие предприятия запрашивали повышенные объёмы капитальных вложений без соответствующего выпуска продукции. Это приводило к дальнейшему ухудшению положения в промышленности края (**ГАПК. Ф. П-510. Оп. 3. Д. 809. Л. 114-115.**).

Таким образом, сроки ввода новых мощностей в ведущих отраслях народного хозяйства Дальнего Востока не выполнялись большинством министерств. Положение дел, при котором выделяемые централизованно средства попросту не доходили до региона в полном объёме, было нормой в данный период времени в отличие от политики совнархозов, заинтересованных в комплексном развитии экономики региона.

Во – вторых, всё больше начинает сказываться ограниченность сырьевой направленности развития отраслей специализации, низкая эффективность использования добываемых ресурсов и необходимость интенсификации производства. Особенность пятилетнего плана 1966 – 1970 гг. состояла в том, что в нём намечалось быстрое техническое перевооружение всего народного хозяйства. Это, по мнению правительства, должно было существенно повысить эффективность общественного производства и способствовать улучшению производительности труда [**12, с. 311**].

Несмотря на предпринимаемые в рамках реформы меры, существенно повысить технический уровень производства не удалось. Предприятиям предлагали переходить на новый уровень технического развития производства при помощи своего фонда, привлечь в помощь систему долгосрочного кредитования. На практике же внедрение достижений научно-технического прогресса происходило централизованно, что привело не только к излишним затратам государства, но и к малой эффективности результатов.

Система кредитования также была далеко несовершенна. И.С. Сенин, председатель бюджетной комиссии Совета Союза, высказываясь о проекте плана на 1965 г., отмечал, что самым серьёзным препятствием в развитии кредитования предприятий через банковскую систему является плохое их обеспечение материально-техническими ресурсами за счёт ссуд Госбанка и стройбанка. Госплан и Совет Министров СССР не могли найти возможности лучшего обеспечения кредитуемых производств. В соответствии с Постановлением Совета Министров (14 декабря 1964 г.) проведение мероприятий по техническому совершенствованию производства при выделенных кредитах Госбанком и стройбанком СССР обеспечивались материалами и оборудованием за счёт внутренних ресурсов союзных республик (**РГАЭ. Ф. 233. Оп. 3. Д. 590. Л. 118.**).

Эта задача оказалась не выполнима в полной мере в регионе не только потому, что ресурсов всегда не хватало, но и потому, что общий уровень промышленного производства на Дальнем Востоке оставался низким, а министерства не хотели в условиях реформы напрасно вкладывать средства, которые заведомо не окупались.

Технологическое обновление промышленности Дальнего Востока в течении 1968-1969 гг. затрагивало лишь три из 10 укрупнённых отраслей: лесную, деревообрабатывающую и целлюлозно-бумажную промышленность, цветную металлургию, машиностроение и металлообработку. Но даже в этих отраслях снизилась эффективность использования ресурсов по сравнению с 1958-1968 гг. до 5,2% против 20,6%. Следовательно, технологические изменения конца 60-х гг. XX в. отражали ухудшение качества использованных ресурсов, а не подытоживали влияние накопившихся технических новшеств на производство [**8, с. 57**].

В экономике одним из важнейших элементов, связывающих все мероприятия в жизнеспособный механизм, являются цены. Положения реформы могли быть реализованы в полной мере после введения новых цен. Для этой цели в июле 1965 г. при Госплане был образован Государственный комитет цен, который в декабре 1969 г. подвергся преобразованию в союзно-республиканский Государственный комитет цен [6, с. 287]. В 1967 г. произошёл пересмотр цен в сторону их увеличения. Мера была своевременной, так как цены 1957 г. были низкими и в новых условиях не отвечали потребностям экономической жизни страны.

Первоначально повышение цен благоприятно сказалось на народном хозяйстве. По данным официальной статистики большинство отраслей вошло в число рентабельных, однако при этом затратный принцип формирования цен сохранился. С позиций рыночной экономики из двух взаимозаменяемых видов сырья рационально выбрать тот, который дешевле. При затратных ценах наоборот. Если потребитель выберет более дорогое сырьё и переработает его в продукт, то и продукт будет дорогой, и цена на него будет выше. Результаты деятельности предприятий после реформы стали оцениваться по сумме реализованной продукции. Цена основывалась на затратах, включающих и стоимость сырья. Следовательно, чем оно дороже и чем больше его израсходовано, тем выгоднее для предприятия. Вместо повышения эффективности производства, снижения затрат на выпуск конечного продукта, улучшения качества предприятия начали постепенно повышать цену на свою продукцию. Многие из них прекратили выпуск дешёвой продукции. Как тревожную нарастающую тенденцию отметил К.Г. Пысин, первый заместитель Председателя Совета Министров РСФСР, в своём выступлении на семинаре председателей горисполкомов в Совете Министров РСФСР: «...прекратился выпуск дешёвых товаров народного потребления рядом предприятий союзного подчинения. Нередко это происходит с согласия министерств» (ГАРФ. Ф. А-259, оп.45. Д. 5776. Л. 10.).

Важнейший показатель, устанавливаемый предприятиям централизованно, – норма прибыли – выполнялся не путём снижения производственных затрат, а искусственным повышением цен. Тем более что цена определялась не через механизм спроса и предложения, а через систему бюрократических согласований, волевыми решениями. Поэтому начался неконтролируемый рост оптовых цен вместо повышения эффективности. Оптимальной цены, при которой эффективность совпала бы с рентабельностью, достигнуть не удалось. Только в машиностроении в годы восьмой пятилетки цены выросли более чем на 30%. В этом и состоит один из парадоксов реформы: рентабельность отраслей так и не улучшила положения в промышленном производстве, не сделала его более эффективным.

Для Дальнего Востока проведение реформы осложнялось рядом обстоятельств, связанных с особенностями промышленного развития региона. Отрасли специализации имели тесные связи внутри района и более высокую, чем в центральных регионах страны, долю материальных затрат за счёт районного хозяйства. Повышенная фондёмкость обусловила увеличение платы за фонды и соответственно уменьшение фондов экономического стимулирования производства. Существовавший порядок определения платы за фонды был основан на отраслевом принципе. Следовательно, промышленные единицы одной отрасли в регионе и в европейской части страны оказывались в разном положении при прочих равных условиях [9, с. 9-10].

Со временем становится всё более очевидным, что основные замыслы хозяйственной реформы не реализуются. Новый метод управления не получил своего дальнейшего развития. Более того, происходило

усиление административных форм управления производством, признанных ошибочными в начале реформирования. На Дальнем Востоке были введены лимиты на создание фондов экономического стимулирования, сверх которых даже высокорентабельные предприятия не могли увеличивать суммы, оставляемые в фонде [9 с. 9-10]. При фактически не прекращающейся практике планирования от достигнутого уровня предприятия, лишённые достаточного материального поощрения, назывались за высокие результаты. Под контроль вышестоящих организаций попал фонд развития производства, который стал включаться в централизованный план распределения капитальных вложений. Постепенно и так слишком небольшие права предприятий по распоряжению собственными средствами стали очень ограниченными.

Очередной попыткой с помощью управленческой реорганизации повысить эффективность производства в условиях фактически свёрнутого экономического реформирования стала реорганизация среднего звена управления. В 1973 г. вместо главных управлений министерств создаются производственные и промышленные объединения как основное хозрасчётное звено в промышленности.

Всё большее нарастание негативных тенденций в развитии промышленного производства вызвало к жизни Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР (12 июля 1979 г.) «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение экономической эффективности производства и качества работы» [10 с. 78-119].

В целом оно воспроизводило основные положения хозяйственной реформы 1965 г., касавшиеся принципов хозрасчёта, и содержало новую идею глобальной стандартизации и унификации управления предприятиями, суть которой – сведение всей производственной, финансовой и коммерческой деятельности к системе строго определённых нормативов и правил.

Сами по себе эти шаги не имели сколько-нибудь значительных последствий для улучшения экономических показателей как страны, так и Дальнего Востока. На уровне правительственной политики можно констатировать неудачу реформирования. При успехах нового принципа управления отпала бы необходимость в указанном Постановлении партии и правительства.

Социальные последствия реформистской политики на промышленных предприятиях оказались далеко не однозначными как для отдельного работника, так и в целом для социалистической системы. Была попытка заменить принцип уравнительного распределения заработной платы среди рабочих и инженерно-технических работников на многих предприятиях. Знаменитый на всю страну опыт Щёкинского комбината, начавшийся в августе 1967 г., заключался в том, что предприятию определялся стабильный фонд заработной платы на 1967 – 1970 гг., а вся экономия этого фонда при сохранении и повышении производительности труда за счёт сокращения рабочих рук поступала в распоряжение комбината. За два года работы в новых условиях число рабочих на комбинате сократилось на 870 человек. За десять лет объём продукции возрос в 2,7 раза, производительность труда в 3,4 раза, почти в четыре раза повысилась рентабельность, снизились расходы заработной платы на рубль товарной продукции с 13,9 до 5 копеек [2, с. 167-169].

Положительный опыт получил распространение и одобрение ЦК КПСС в октябре 1969 г. С 1967 г. по 1969 г. число предприятий, последователей щёкинского метода, увеличилось с 30 до 200 единиц. Но через некоторое время эксперимент фактически прекратился, работать по такой системе было невыгодно. Причина – в существующей системе пла-

нирования от достигнутого уровня. Несмотря на то, что в 1976 г. комбинат добился 143% использования проектной мощности, с планом он не справился. Это привело к уменьшению фондов экономического стимулирования, лишения тринадцатой зарплаты и потере выплачиваемой ранее надбавки [2, с. 167-169].

На Дальнем Востоке по методу Щёкинского комбината первым начал работать экипаж танкера «Славгород». В составе Дальневосточного морского пароходства на начало 1975 г. на 140 судах в общей сложности было высвобождено 730 чел., что дало экономический эффект около 750 тыс. руб. В Сахалинском морском пароходстве 29 экипажей, т. е. половина транспортного флота, на 1 января 1973 г. уменьшила численность плавсостава на 109 штатных единиц. Такая организация работы к 1974 г. активно внедряется во всех пароходствах региона, более 40% всех транспортных судов Министерства морского флота стали работать с сокращённой численностью экипажей. Но в эти годы началась правительственная политика уменьшения количества судов из-за их изношенности. Дальневосточное морское пароходство за пятилетку сократилось в общей сложности на 20 единиц, поступило же 3 современных судна [3, с. 195].

Партийная и хозяйственная номенклатура боялась, что подобные сокращения могли привести к социальному недовольству, открытому неповиновению рабочих. Именно поэтому в партийных документах дальневосточного региона всегда включалась фраза: «...все лица, попавшие под сокращение, трудоустроены». Повторение событий в г. Новочеркаске вполне могло стать реальностью. На Дальнем Востоке положение обострялось более низким уровнем жизни населения по сравнению с другими регионами страны. Тем не менее, социальная напряжённость отсутствовала, сказывался отток населения в центральные области. Это служило стабилизирующим фактором для управленческой политики «сдиржированного консенсуса».

В условиях бюрократического рынка большинство политико-организационных инициатив исходило от вышестоящих инстанций. Принятые Постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О развёртывании Всесоюзного соревнования работников промышленности, строительства, транспорта за досрочное выполнение плана 1973 г.» и «О развёртывании социалистического соревнования работников сельского хозяйства за увеличение производства и продажи государству зерна и других продуктов земледелия в 1973 г.» запускали механизм внедрения прогрессивной формы организации работы коллективов в условиях реформы. Предприятия Дальнего Востока, как писалось в партийных документах, «горячо откликнулись на призыв партии», и повсеместные соревнования стали реальностью. Приморским, Хабаровским краями и Амурской областью был заключён договор о проведении социалистического соревнования с повышенными обязательствами.

Материалы Приморского краевого совещания передовиков производства, победителей соревнования за досрочное выполнение народно-хозяйственного плана 1973 г. (23 октября 1973 г.), об итогах социалистического соревнования в крае свидетельствуют об удачных примерах работы многих производственных коллективов. Бригада горнопроходчиков тов. Тупицина была признана победительницей Всероссийского социалистического соревнования среди проходчиков предприятий цветной металлургии и др. (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 53. Д. 217. Л. 29-32.).

Несмотря на самоотверженный труд рабочих, цель внедрения передовых методов работы – повышение эффективности производства в условиях реформы – не была достигнута. На всех уровнях управления

– и центральном, и региональном – явно просматривалось стремление к подмене стратегических приоритетов тактическими.

Уровень государственного руководства экономическими процессами в своей стране зависит от ситуации как внутри неё, так и в мире. После окончания Второй Мировой войны наблюдалось усиление роли государственного регулирования, вызванное тяжёлой экономической ситуацией, в которой оказалось большинство стран. С 50-х гг. XX в. в капиталистических странах начинаются процессы, создавшие так называемую «смешанную экономику». Проходили они далеко неоднозначно, но всегда носили характер реформ, их отличало наличие чётко поставленной цели и продуманные средства её достижения. Именно поэтому капитализм, в первую очередь европейский, сумел трансформировать свои политические, экономические и социальные институты таким образом, что результатом стал более позитивный, чем раньше, вариант рыночной экономики.

Трансформация отражала не только повышенное внимание к социальным мотивам, но и была плодом попыток поднять экономическую эффективность рыночной системы путём налаживания сотрудничества между частным бизнесом и государством в области капиталовложений, кредитов, научно-технической революции, подготовки кадров и т.д. В итоге «смешанная экономика» пережила в 1950-1973 гг. беспрецедентный подъём и обеспечила значительное повышение уровня жизни населения [4, с. 496]. Внедрение в капиталистическую экономику элементов социализма принесло свои плоды. Привнесение же элементов рыночной экономики в социалистическую для придания последней большей гибкости и эффективности прекратилось с начала 70-х гг. XX в.

Л.И. Брежнев, мало веривший в целесообразность экономического реформирования, не понимал и не поддерживал сути реформы. По свидетельству А. М. Александрова – Агентова, одного из помощников Л.И. Брежнева, «более консервативный по складу ума, более приверженный к традиционным методам управления производством, Брежнев с самого начала с некоторой иронией отзывался о реформах, предложенных Косыгиным, и в дальнейшем отнюдь не способствовал их претворению в жизнь», [4, с. 496] т. е. практически открыто третировал и саму реформу, и лично А.Н. Косыгина. Обращает на себя внимание один факт: на XXIII съезде партии должны были наметить основные ориентиры развития страны. А.Н. Косыгин, автор одного из двух главных отчётов – экономического, о реформе не говорит ничего. О ней общими фразами упоминает Л.И. Брежнев. Никто из выступавших не отметил важности проводимого курса, что делалось всякий раз, когда КПСС стремилась показать серьёзность преобразований.

На свёртывание элементов экономического курса повлияли и события в Чехословакии (1968 г.). При внешней идентичности их вторжению в Венгрию (1956 г.), они достаточно серьёзно различались по последствиям. В Венгрии реформаторский процесс не прекратился и к 1968 г. реализовался в реформе экономики, ставшей одной из отличительных черт этой страны. Опыт Чехословакии и Венгрии продемонстрировал советскому руководству, что реформы могут выйти из-под контроля. После событий 1968 г. насильственное подавление политики Дубчека в Чехословакии означало, что коммунистический реформизм, или как его называли ещё «социализм с человеческим лицом», приобретает в официальных кругах СССР статус опасного «ревизионизма». Отныне в Венгрии Я. Кадар был вынужден ограничивать свою политику, а лидер, навязанный Чехословакии, не имел возможности для каких – либо изменений, не говоря уже о реформах.

За предоставление символического воинского контингента для вторжения в Чехословакию венгерское правительство получило возможность некоторой свободы манёвра во внутренних делах. В 1968 г. был запущен «новый экономический механизм», который являлся компромиссом между централизованным планированием и системой свободного рынка. Были установлены более тесные экономические и политические связи с Западной Европой [5].

На официальном уровне и в советской прессе постоянно говорили об успехах реформирования, но реально в государстве этот процесс остановился. Если говорить о сути проводимых реформистских преобразований, то они представляли собой попытку внедрения рыночных элементов в экономику социализма, которая началась ещё с реформ Г.М. Маленкова и впоследствии была продолжена Н.С. Хрущёвым и А.Н. Косыгиным. Те тенденции, которые было необходимо преодолеть для достижения большей эффективности экономики в СССР, во многом оказались сходны с существовавшими в капиталистических странах.

Несмотря на утверждение приверженцев чистого либерализма о невмешательстве государства в экономические процессы, на практике всё происходило значительно сложнее. В мире не существует государств, экономика которых функционировала бы строго по этому принципу. Например, две ведущие модели в западной экономике – «англо-американская» и «германская» – предполагают два подхода к решению этого вопроса. Первая более соответствует принципам либерализма, тогда как вторая сочетает эффективное и конкурентное рыночное хозяйство с сильной социальной политикой, обеспечивающей реализацию принципа социальной справедливости. Подчеркнём, что вмешательство государства, правда, в различной степени существовало в обоих случаях, но нигде оно не носило такого всеобщего характера, как в СССР.

Для Советского Союза прекращение реформирования означало нарастание тех явлений в экономической и социальной жизни страны, которые с середины 80-х гг. XX в. называют «застоем». Очевидно, что пятилетка 1965 – 1970 гг. была самой удачной за послевоенное время по темпам экономического роста. Но этот успех объяснялся, в первую очередь, экспортом природных ресурсов нефти, газа и уже потом половинчатыми результатами реформы. С 1970 г. по 1980 г., по сравнению с предыдущим десятилетием, экспорт увеличился в 8 раз, что несомненно свидетельствует о возрастании зависимости всей экономики страны от этого фактора. При условии продолжения реформирования названный показатель мог бы успешно служить модернизации производства в стране и качественного изменения экономической ситуации. Но так как фактически к 1970 г. реформа прекратилась, то благоприятными условиями не воспользовались. И уже к 1970 г. наблюдается ухудшение экономических показателей, которое не удалось преодолеть, оно постепенно и неуклонно увеличивалось.

Реформа мало повлияла на повышение эффективности промышленного производства Дальнего Востока. Местные партийные лидеры в условиях реформирования стали через систему бюрократического рынка согласовывать интересы предприятий и министерств. Право номенклатурного контроля привело к его концентрации в руках партийных властей. Но при этом роль хозяйственников в регионе на разных уровнях управления не только не становилась меньше, но и возрастала. Этому способствовало и явное стремление партийной номенклатуры без особой нужды не вмешиваться в вопросы управления производством.

Литература

1. Александров-Агентов А.М. От Колонтай до Горбачёва. Воспоминания дипломата, советника А.А. Громыко, помощника Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко и М.С. Горбачёва. М., 1994. С.38-39.
2. Валовой Д. Экономика в человеческом измерении. М., 1988.
3. Деревянко А.П. Российское Приморье на рубеже третьего тысячелетия. Владивосток, 1999.
4. Западные страны. Особенности социально – экономических моделей. – М., 2002.
5. Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. М., 2001.
6. Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 – декабрь 1991 гг. М., 1994.
7. Минакир П.А. К вопросу о формировании концепции развития производительных сил Дальнего Востока // Ретроспективный анализ экономики Дальнего Востока. Владивосток, 1982. С. 2-12.
8. Минакир П.А., Прокопенко О.М. Об устойчивости тенденции экономического развития (на примере промышленности Дальнего Востока) // Ретроспективный анализ экономики Дальнего Востока. – Владивосток, 1983. С. 50-61.
9. Нестеренко А.Д., Кулеш М.М. Экономика российского Дальнего Востока в XX столетии. Владивосток, 2002.
10. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 13. апрель 1979 – март 1981. М., 1981.
11. Татаркин А.И., Берсенев В.Л. Теория и практика реформирования во второй половине XX в. // Социальные трансформации в российской истории. М., 2003. С. 379-393.
12. Экономическое планирование в СССР. М., 1980.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Aleksandrov-Agentov A.M. Ot Kolontaj do Gorbachyova. Vospominaniya diplomata, sovetnika A.A. Gromyko, pomoshhnika L.I. Brezhneva, YU.V. Andropova, K.U. SChernenko i M.S. Gorbachyova. M., 1994. S.38-39.
2. Valovoj D. EHkonomika v chelovecheskom izmerenii. M., 1988.
3. Derevyanko A.P. Rossijskoe Primor'e na rubezhe tret'ego tysyacheletiya. Vladivostok, 1999.
4. Zapadnye strany. Osobennosti sotsial'no – ehkonomicheskikh modelej. – M., 2002.
5. Kameron R. Kratkaya ehkonomicheskaya istoriya mira ot paleolita do nashikh dnejj. M., 2001.
6. Korzhikhina T.P. Sovetskoe gosudarstvo i ego uchrezhdeniya: noyabr' 1917 – dekabr' 1991 gg. M., 1994.
7. Minakir P.A. K voprosu o formirovanii kontseptsii razvitiya proizvoditel'nykh sil Dal'nego Vostoka // Retrospektivnyj analiz ehkonomiki Dal'nego Vostoka. Vladivostok, 1982. S. 2-12.
8. Minakir P.A., Prokopenko O.M. Ob ustojchivostitendentsii ehkonomicheskogo razvitiya (na primere promyshlennosti Dal'nego Vostoka) // Retrospektivnyj analiz ehkonomiki Dal'nego Vostoka. – Vladivostok, 1983. S. 50-61.
9. Nesterenko A.D., Kulesh M.M. EHkonomika rossijskogo Dal'nego Vostoka v KHKH stoletii. Vladivostok, 2002.
10. Resheniya partii i pravitel'stva po khozyajstvennym voprosam. T. 13. april' 1979 – mart 1981. M., 1981.

11. Tatarkin A.I., Bersenev V.L. Teoriya i praktika reformirovaniya vo vtoroj polovine KHKH v. // Sotsial'nye transformatsii v rossijskoj istorii. M., 2003. S. 379-393.
12. EHkonomicheskoe planirovanie v SSSR. M., 1980.